

ЖИТЕЛИ города Донецка могли бы и не обратить внимания на двух женщин, поднимающихся по крутым ступенькам к обелиску, где горел Огонь вечной славы. Дорога к памятнику погибшим воинам никогда не бывает безлюдной.

Старшая шла впереди. Не по годам стройная, с твердой походкой, она не опустилась на колени, не припала к холодному мрамору. И глаза ее были сухими. Они излучали тихую грусть.

— Я пришла к тебе, Ваня, чтобы расказать о прожитых годах, о том, как выполняла твой наказ, наши с тобой задумки. Не пришла раньше потому, что не знала, где похоронен. Помогли школьники-следопыты. И вот я здесь. Со мной наша старшенькая, Дуся.

Антонина Ивановна Жерноклева вздохнула, поправила на голове черный платок, и начала свой рассказ. Она говорила с мужем, как с живым, отдавая отчет о прожитых без него годах.

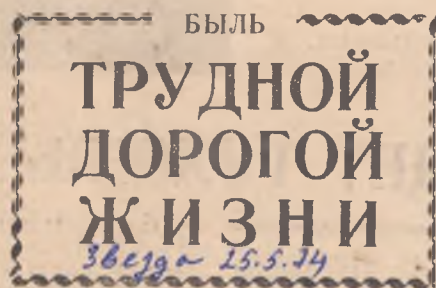
— Ты, Ваня, остался навеки молодым, а я вот постарела. Но держусь, внуков присматриваю. Их у тебя уже шестеро... Помнишь, за околицей села, когда провозжала тебя в армию, ты говорил: «Пусть глаз своих береги детей, помогайте нам, фронтовикам, одолеть злאתого врага». Как могла, я выполняла твой наказ, Ваня. А трудно было, ох, как трудно. Особенно, когда фронт остановился на Миусе. Наше Петрополье все было изрыто окопами. Фашисты укрепились сильно. Особенно на горе Грекова. Много наших бойцов там полегло. Черным вороном мы ту гору прозвали.

Осталось в селе всего шестнадцать дворов. Я не так сказала, Ваня. Осталось шестнадцать погребов. Потому что все было разрушено. Наша хата чудом уцелела. Уйти бы, да куда уйдешь. Их пятеро, и все мал мала меньше.

Однажды днем (глазам своим не поверила) в хату вошли три солдата в белых маскировочных халатах, из-под приподнятых капюшонов виднелись красные звезды. Их провокации боюсь, и удержаться не могу. Заговорили они по-русски и таким родным голосом. Я не удивлялась, заплакала. Разведчики. И тут я, Ваня, поставила под угрозу свою жизнь и детей. Вышла с ними во двор, поднялась на обвалившуюся стену, показала и рассказала все, что видела и знала. «Спасибо, тебе, мать», — поблагодарили они. А за что спасибо? Каждая сделала бы то же. Вывела их до балки и посоветовала переждать до вечера, так как там, где они прошли, немцы уже заметили следы и подняли тревогу. Вернулась, обняла детей, жду, что будет. На другой день наши открыли меткий огонь, фрицы многих недосчитались. Или догадались, что разведчикам помогли местные жители, или ждали наступления, только в двенадцать часов ночи в дверь забарабанили прикладами. Дали нам пять минут на сборы. Стала снаряжать Колю и Володю. Им по четыре года. Начала натягивать ботиночки, не налазят. Отру-

била топором носки, кое-как напялила. Самого маленького, Ваню, подноясала спереди, а на плечи положила кое-что из продуктов. Построили нас в колонну и погнали.

Днем было будто тепло, даже таял снег, а ночью ударил мороз. Ребята плачут, замерзли. Остановиться нельзя. Сзади уже прогрекотало несколько выстрелов. Фашисты добивали тех, кто совсем выбился из сил. Перед рассветом остановили колонну в степи. Кто где стоял, там и опустился прямо на снег. Ребятки мои тоже попадали. А я не могла, знала, что это смерть. Конвойные объяснили, что мы должны двигаться дальше на Успенскую, и ушли. В стороне виднелись копы то ли сена, то ли соломы. Перетаскала туда ребят. Укрыла как могла, и сама свалилась рядом. Проснулась. Никого нет. Все ушли в Успен-

ку. Стала поднимать ребят. Они не могут встать. Ноги у них, как ватные. Глянула — и ужаснулась. До самых колен темно-фиолетового цвета. Стала оттирать. Да что толку. Подняться ребятки не могли. А нести троих на себе я не в силах. Сказала Кате, чтобы шла сама в Успенскую, позвала людей. Она сделала несколько шагов и свалилась.

И тут я, Ваня, совсем пала духом. Решила: конец. Собрала вокруг себя детей, прикрыла их шалью и приготовилась умирать. Не знаю, сколько прошло времени. Только слышу, кто-то меня тормошит. По голосу узнала. То была Матрена Тимофеевна Андриевская. Помнишь, со мной на ферме работала? Это ее сельчане снарядили в дорогу разыскивать нас, Ваня, какие у нас люди! Сам я в беде, а не забыли. Да и Матрена мила, считай, на верную смерть. Кругом стреляют, бомбят. Где она только раздобыла лошадей с санками. Не помню, как и добрались до Успенской. Там я похоронила нашего меньшего сына, Ванюшу. Простудился. Видишь, не сберегла. Не смогла.

Как мы жили в Успенской, вспоминать страшно. Целый месяц спала сидя. Так тесно было в кухне, где нас приютили. Голодно и холодно. Корову у Дуси немцы отобрали и резали. Одно радовало, стрельба становилась все ближе и ближе.

... Помню (это было в августе сорок третьего), снаряды рвались особенно часто. Забились мы в погреб, слушаем.

И вдруг в наступившей тишине слышим голос, такой родной и близкий сердцу: «Есть кто живой, выходи. Вы свободны!».

Свободны. Всю силу этого слова могут почувствовать только те, кто пережил кошмарное время фашистской оккупации. Ожила Успенка, которая минуту назад казалась вымершей. Мы сразу же решили идти домой...

АНТОНИНА Ивановна оживилась, легко переступая с ноги на ногу, будто сбросила с плеч непосильно тяжелую ношу. И дальше говорила уже скороговоркой:

— Август, жара. Бредем по пыльной дороге. Навстречу наши машут нам руками, улыбаются. Приходим в Петрополье, а села-то нет. Даже печных труб не видно. Думали, что мы первые. А там уже были односельчане. Саперы обезвреживали мины, советовали никуда не выходить. Да разве можно было усидеть. Пошли на колхозный двор. Вернее на то место, где он был. Председателем выбрали моего брата, Ивана Серебряка. А над чем председательствовать, — ничего нет. Но что значит Советская власть, своя, родная! Дали лошадей, несколько коров. Запрягли их в плуги, бороны, я с женщинами пошла в Матвеев Курган с мешками за семенами. Туда и обратно несли. Было, конечно, трудно начинать хозяйствовать. Но у всех большой душевный подъем. Работали весело. Все отдавали для фронта, для победы. И село стало отстраиваться.

Дети пошли в школу. Жить становилось все легче. И все же еще одна беда постучалась в наш двор. Большая, невосполнимая. Получили похоронную. о тебе, Ваня.

Что дальше рассказывать? Дети выросли. Дуся окончила педучилище. Ее направили в город Шахты. Сейчас она заведует детскими яслями. Владимир окончил ремесленное училище и теперь работает слесарем на Шахтинском машиностроительном заводе. Николай стал шофером. Катя — телятницей в нашем же колхозе имени Октябрьской революции. Колхоз богатый. А ведь поднимали его из руин мы, женщины. Живем мы с Николаем в Матвеевом Кургане. Вместе с Дусей в прошлое лето я побывала на курорте. Видела дворцы, где жили цари, князья. Красивые. Но наши советские здравницы еще лучше. И всюду отдыхают, поправляют свое здоровье простые труженики.

Ну вот, я тебе и рассказала все, как жила без тебя.

ПОСТОЯЛА, помолчала. Потом обернулась и неторопливо стала спускаться по ступенькам вниз. По обе стороны широкой аллеи в задумчивости стояли могучие деревья, с почтением провожая женщину-мать, солдатскую вдову, у которой позади большая и не легкая жизнь.

С. ИВАНОВ.